

18+

Евгения Черноусова

Знакомство по брачному объявлению

Маленькая повесть

Евгения Черноусова

**Знакомство по
брачному объявлению**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Черноусова Е.

Знакомство по брачному объявлению / Е. Черноусова —
«ЛитРес: Самиздат», 2019

За несколько месяцев в жизни главного героя происходят важные события: смерть любимой бабушки, окончательный разрыв с бывшей женой, возобновление старых знакомств. А попавшие в его руки старые письма оживляют воспоминания о прошлом, заставляют задуматься о проблемах физического и психологического насилия в семье. Две женщины из прошлого – с кем он войдёт в будущее?

Глава 1

На втором этаже начался ремонт, поэтому все рабочие столы были вынесены в зал селекторных совещаний. Места у окон достались директору Лишняеву, кадровичке и бухгалтерии. Главный инженер Владимир Юрьевич сидел в центре зала под люстрой и ремонтировал ноутбук. Лишняев стоял у него над душой и ворковал по телефону:

– Ну, солнце моё, я человек занятый. Ну, сейчас разгребу первоочередные дела и займусь твоей игрушкой, – сунул телефон в карман и заныл. – Ну, Тумак, давай скорей!

Туминский поморщился на студенческое прозвище, произнесённое при подчинённых, но промолчал. Ловко вставляя какую-то мелкую деталь, он не сразу схватил заскользивший по яркой папке телефон:

– Да... а она может... бабаны! – вскочил и бросился к вешалке у входа. – Часа два на дорогу! Нет, я аккуратно всегда... держись!

– Эй, ты куда, – возмущённо крикнул ему вслед Лишняев.

– У меня бабушка умирает, – натягивая дублёнку, ответил он.

– Дело-то закончи!

– Ты сам-то понял, что сказал?

Главбух Мария Степановна вмешалась в разговор:

– Володенька, не волнуйся ты так. Мы, старухи, паникёрши. Может, там уж не так всё страшно.

– Нет, Марь Степанна, она фельдшер у меня. Про себя никогда ничего...

Туминский внезапно всхлипнул.

– Деньги-то у тебя есть?

Он пошарил по карманам:

– Вот... карта...

– В деревню едешь, там наличные нужны. Наташа, что там у нас на кассе? Выпиши.

– Эй, господа, может, начальника послушаете? Я с работы никого не отпускаю! А за прогул последует увольнение!

– Да увольняй, – расписываясь за деньги, отмахнулся Туминский.

– И что ты без работы делать будешь?

– То же, что и сейчас, – кивнул на ноутбук Туминский. – Только за деньги.

Хлопнула дверь. Женщины, уткнувшись в свои бумаги, украдкой переглядывались: наконец-то у Володеньки голос прорезался!

Глава 2

Туминский гнал всю дорогу. Часа через два, уже проезжая мимо сворота на Бережки, вспомнил, как лет тридцать назад, лёжа на животе, ныл, чтобы бабушка банки со спины сняла, а она, поглаживая его по головке, уговаривала потерпеть и обещала сказку рассказать.

– Ты расскажи, как в Бережки приехала!

– Да уж сколько раз рассказывала. Ну, слушай. В ту пору наш район самый глухой был. А Бережки – самое дальнее село. Потому меня сюда и направили. Асфальтовой дороги тогда не было. Ездили мы через Лужино. Знаешь, где дорога проходила? По Лужинской в Косой конец, потом мимо фермы, потом вдоль посадок и по мостику через овраг, а дальше полем...

От Лужино её везли на санях. Пока какие-то железки грузили, сидела она в конторе МТС, а заходящие туда трактористы тянули шею, разглядывая высокую неулыбчивую девушку в тёмно-сером бобриковом пальто с цигейковым воротником, сидящую в коридоре с сеткой на коленях и двумя узлами на полу. Потом кто-то из конторщиц посоветовала ей сбежать в магазин, оставив здесь узлы на хранение: «В ваши-то Бережки хлеб завозят по вторникам и пятницам, а сегодня среда!»

К вечеру подморозило. Поскрипывал под полозьями снег, всхрапывала лошадка. Когда въехали в село, уже кое-где в окошках свет теплился. Новый медпункт стоял на Береговой –

улице с домами в один ряд, глядящими окнами фасадов на речку. В передней половине медпункт, со двора – квартира фельдшера. В окнах горел свет. В первой комнате только разномастные стулья у стены, во второй – конторский стол со стулом, шкафчик и кушетка. Навстречу встаёт женщина в белом халате. – «Вы санитарка? Почему печь не затопили?» – «А печь из вашей квартиры топится, вам и топить». Вот и первый противник. «Что ж, коли вам делать нечего, тогда ступайте домой!»

Назавтра кроме личных закупок приобрела два навесных замка и объявила стоящим в очереди женщинам: требуется санитарка. Все промолчали. Ну, дело известное, никто в деревне на «живое» место не пойдёт, хотя по сравнению с работой в колхозе труд этот считается лёгким и почётным.

– Баб, ты про «пронзённого» расскажи!

– Ладно, только лежи, не шевелись. Значит, так. Как я приехала, резко потеплело. За два дня снег осел, на дорогах жижа, ни проехать, ни пройти. К вечеру вдруг бежит мужик: лети на отделение, там тракториста железкой пробило. Хватаю сумку санитарную на плечо, бегу. Лежит на земле мужик, из спины железка такая длинная плоская... наподобие сабли. Сажусь на корточки, спрашиваю, какой длины? Получается, что насквозь она его пробила, и ещё в землю вошла. Но живой! И крови мало. Говорю: пострадавшему не шевелиться, железку не тревожить, принести две толстые доски и подкапывать с двух сторон, чтобы доски подсунуть. Спасибо, мужиков много тогда было. Все выпивши, но не бестолковые. Поняли, что надо будет потом доски скрепить и пострадавшего зафиксировать и подвесить в тракторной тележке. Ремнями его к дощатой подставке привязали, на четыре цепи к бортам тележки подвесили и поехали в Лужино. Держали доски, чтобы по тележке его не мотало. Когда застревали, все кроме меня выскакивали и тракторишко толкали. За леском на свороте к Лужино застряли окончательно. Тракторист говорит: «Ребята, несите на руках, тут поменьше километра будет, вон, фары санитарной машины светят». А уж от машины к нам с фонарём бегут. Мы только задний борт откинули, а тут двое с носилками. И сзади ещё толпа. Заглянули, ахнули: «Это что за гроб со спящей красавицей? Кто придумал?» Мужики: «Наша медичка!» Хирург Арнольд Петрович, он фронтвик был, сказал, чтобы так и грузили в машину, и чтоб вместе с цепями. А мне: «Дай-ка ручку!» И эту руку, грязную и ободранную, при всех поцеловал. Назад приехала, поглядела на своё пальто. Всё в пятнах! А даже расстраиваться не стала, до того утомилась. Накрылась им, легла в нетопленном медпункте на кушетку и уснула. Казалось, только глаза закрыла, а уже стучат! Роды. Ну, пошла. Тяжёлые были, часа три маялись. Тут уж женщины помогали, соседки. И мешали, конечно. Охрипла, ими командуя. Главной помощницей показала себя Ксения, доярка. Когда всё закончилось, в ответ на благодарность фельдшерицы посмеялась: дело-то привычное, только с коровами легче! Она же и сказала: «Устала ты, пойдём, у меня поспишь!» Утром проснулась от резкого запаха бензина. Хозяйка, разложив на обеденном столе пальто, тряпочкой чистила его. «Я кровь еще с ночи, как пришли, холодной водой замыла, а сейчас масляные пятна счищаю. Не волнуйся, сейчас высохнет, и следов не останется!» Вот тогда я заплакала.

– Бабушка, а почему ты плакала? Пальто ведь стало чистое?

– От благодарности, внучок. Ксения-то ведь, когда я спать легла, пальто моё мыла, а потом на утреннюю дойку пошла. А вернувшись, стала дальше пальто чистить. Потом накормила и в медпункт повела.

Зашли к роженице, там всё нормально. А в медпункте две беременные молодаяйки да бабуся порядок наводят: окна чистят, стены моют. Печь топится, тепло. Это Ксения им сказала, что если не помогут они медичке, то она уедет, и некому будет у них роды принимать и их пьяных мужиков от смерти спасать.

К вечеру, когда Аня в одиночестве подрубала марлевые занавесочки на окна, приехали председатель колхоза с бригадиром Бережковского отделения. Сказали, что Арнольд Петро-

вич, хирург опытный, всю войну в полевых госпиталях, железяку вырезал, и травмированный уже пришёл в себя. Председатель поклялся, что они теперь все вечные должники перед ней, и спросил, чем может ей помочь. Аня потребовала лекарств, новых инструментов, телефон и Ксению в санитарки, если согласится. «А себе-то чего?» – «Так это всё мне...» Начальники меж собой переглянулись и плечами пожали. А завтра трактор привёз из энтээсовского общежития для командированных железную кровать, матрац, шкаф и круглый стол со стульями в её казённую квартиру. И телефон провели. И Ксения с радостью согласилась в санитарки пойти: в колхозе-то за одни «палочки» работали. Двадцать лет вместе потом трудились! А выписавшегося из больницы Володьку Бережкова завклубом встретил часто звучавшей тогда по радиоприемной «Паду ли я, стрелой пронзённый». Так его до смерти все звали Пронзённым.

Глава 3

Туминский не помнил, как оказался в бабушкиной палате. Только обратил внимание, что на кроватях не было никого из пациенток, зато стояли над бабушкой две медсестры и врач. Но она не выглядела сильно больной. А начала она с того, что стала наказывать:

– Деньги на похороны в плюшке за подкладкой... Смертный узел в шкафу на верхней полке... Тоня пусть командует, она всё в доме знает!

– Бабаня!

– Дай сказать, пока силы есть. Володечка, не живи один, женись. Душа моя за тебя болит...

Туминский с детства был очень правдивым мальчиком. И фантазёром не был. Фантазировал он только перед мамой. Он лет с пяти понял, что всё сказанное им будет рано или поздно использовано ею для попреков, поэтому врал ей всегда. С бабушкой же он всегда был откровенен: и в детстве, и теперь, будучи тридцатипятилетним лысеющим мужиком. Но от ужаса вдруг впервые в жизни стал ей врать. Он шептал, что у него есть женщина, которую зовут Лена, что она в разводе и у неё есть дочь, что они пока встречаются, но...

Поглядел на её измученное лицо и зачастил: мы бы ещё некоторое время свои чувства проверяли, но Лена в положении! Так что придётся расписываться!

Бабушкино лицо дрогнуло:

– Господи, правнук будет. Не обижай Лену, Володечка.

– Ты что, бабаня. Я только её просил, что, если девочка будет, Анечкой назвать. В честь тебя.

– Как славно, девочка...

Руки её хаотично задвигались по груди. Кто-то взял Туминского за плечо и вывел в коридор:

– Пойдите тут минуточку...

Через пять минут вышла медсестра с очень знакомым лицом.

– Всё, Володя. Отмучилась Анна Станиславовна. Молодец ты, быстро доехал, успел попрощаться. Как она ждала!

Туминский бросился к палате, но в дверях затормозил, увидев накрывающую тело бабушки простыню. Знакомая медсестра тянула его за руку:

– Поплачь, если можешь. А потом давай делами заниматься. Есть у тебя, кто поможет? Может, эта твоя Лена?

– Да нет никакой Лены, – всхлипнул он. – Это я так... я же знал, что это бабаню обрадует.

– Плохо. То есть плохо, что семьи у тебя нет, а то, что ты так удачно соврал, это хорошо.

Она уходила умиротворённая. Может, тогда матери позвонишь?

Матери звонить не хотелось. Но и объяснять это тёте Тане, которая во времена его детства работала в медпункте соседнего села и часто обращалась к бабушке за помощью, он не мог. И точно, в ответ на его жалобное «Мам, бабушка умерла» понеслось: и свекровь-то ей четвёртый десяток как бывшая, и сам-то он такой-сякой. Последовало перечисление всех его недо-

статков и провинностей. И прежде всего о квартире, которую её мать ему купила в обход родной сестры, а он чуть было не оставил бывшей жене. В паузы между пулемётными очередями её обличений он вставлял: «Спасибо, мам... спасибо... спасибо». А когда она, наконец, спросила: «За что спасибо-то?» ответил: «За человеческое сочувствие и материнскую поддержку». И сунул телефон в карман. Тут же раздался звонок.

– Да, Люсёнок... да, спасибо... ну, что ты. Там тётя Тоня, соседи, друзья. Не волнуйся. Поучайте лучше наших паучат.

– Подружка? – спросила медсестра.

– Сестрёнка, – ответил он. – Рвётся приехать. Но у неё двое мальчиков, младшему полгода. Кстати, как я мог забыть? Тётя Тоня поможет. Только я по телефону с ней никогда не говорил. Я всё с бабушкой...

Медсестра кивнула, ушла в палату и вернулась с телефоном: «Вот, бабушкин». Тётка зарыдала, но быстро собралась и стала диктовать, что купить, куда заехать: «Потом тогда поплачу, дела надо делать».

На Бережковском свороте посадил двух попутчиц: старуху Акимовну с Лужинской и молодую женщину неказистой внешности и не очень тепло одетую. Старуха стала его хвалить, что бабушку не забывает, и горько зарыдала, узнав о смерти Анны Станиславовны: «И о ней, и обо всех нас плачу. Как мы теперь без неё?» Анна Станиславовна и после выхода на пенсию продолжала работать в медпункте, но лет двадцать назад его закрыли. А к ней по-прежнему шли на уколы, за медицинскими советами и неотложной помощью.

– Акимовну я до дома доведу, я сейчас к тётке Тоне. А вам куда?

– На улицу Береговую, – ответила вторая попутчица.

– Тогда на повороте сойдёте. Тут метров двести до неё.

Минут через сорок, разгрузив багажник и обсудив свои скорбные дела с тёткой, Туминский подъехал к бабушкиному дому и увидел стоящую у палисадника сегодняшнюю попутчицу.

– Вам какой дом нужен?

– Дом Туминских.

– Вот речка Туминка, – показал он рукой. – Вот село Бережки, – рука пошла по кругу. – А это дома Туминских и Бережковых. Есть и другие фамилии, но мало. Так что уточните.

– Юрий.

– Есть Юрии, но не на нашей улице. Давайте ещё какие-нибудь данные: отчество, возраст, профессия, какие-нибудь родственники.

– Юрий Ильич. Лет шестьдесят. У меня есть его письма. Улица Береговая, а номер дома не указан, – женщина вытащила из сумочки несколько старых конвертов, ещё советского образца. – В этом доме ведь раньше больница была?

– Медпункт. Лет двадцать, как закрыт. Нумерации раньше не было. Наверное, вы отца моего ищете. Его звали Юрий Ильич, было бы ему шестьдесят два, но он двадцать лет назад умер.

Женщина растерянно потопталась, шмыгнула покрасневшим носиком, пробормотала «Извините», повернулась и пошла по дороге. Туминский некоторое время глядел ей вслед, потом плюнул и сел за руль:

– Садитесь, до шоссе доведу.

– Ничего, я дойду...

– Ага, шесть километров. Садитесь!

– Не надо, у вас ведь похороны...

– Садитесь.

Ехали молча. Туминский злился на себя и на неё. Действительно, время дорого, а он, слабак, не мог оставить женщину на дороге, где попутных машин во второй половине дня

не предвиделось. Выехав на трассу, велел ей оставаться в машине, спросив, откуда она, собственно, приехала. Оказалось, земляки. А ехать ей в их областной центр. Минут пять безрезультатно голосовал, но вот показался длинномер знакомой расцветки. И водитель знакомый, приятель отчима.

– Ты домой? Знакомую мою в областной центр не подбросишь?

– Так Володь, мы же объезжаем!

– Ну, где-нибудь на объездной сбросишь.

– Эй, а ты где, красавица, живёшь?

– В центре. Ну, над областным банком.

– Где две левые ноги? (Это была местная достопримечательность – мозаичный Ленин с несимметричными стопами на стене пятиэтажки). Так я тебя на кольце станкостроительного ссажу, там двадцать второй ходит.

Женщина вынула из сумки письма и протянула их Туминскому:

– Наверное, я должна их вам отдать. Это письма вашего отца.

Туминский сунул письма в бардачок и повернул к селу.

Глава 4

В воскресенье во второй половине дня Туминский возвращался домой. Только подумал о том, что, если машина не подведёт, то через полчаса будет дома, как позвонил телефон.

– Люсь, я в пути.

Сестрёнка принялась уговаривать его заехать к ним в Васильевку, успокоив, что мать сегодня на работе и вернётся поздно, потому что у них какая-то внеплановая проверка. Как он ни отбивался, пришлось согласиться. Сразу с порога предложила поужинать, но он отказался, заявив, что тётя Тоня забила харчами багажник. Согласился на чай, чтобы только не обижалась.

Вышел из детской старший племянник Вовка, обрадовался:

– Наконец-то дядя Володя пришёл! Давай чинить мои машины!

– Иди-ка отсюда, – строго сказала ему Люся. – Видишь, мы заняты?

У мальчишки слёзы выступили от обиды. Туминский вздохнул:

– Много я думал, пока понял: семья, Люська, это где твоим бедам сочувствуют, то есть сами их чувствуют. У Вовки сейчас главная проблема – сокращение автопарка. А когда он подрастёт, то научится определять приоритеты. Неси свои машины, Вовка!

Вовка прибежал с экскаватором и маленькой гоночной машинкой, потом вернулся с полицейской машиной и сказал:

– Вот, ковш отвалился, а здесь то заводится, то не заводится. Пр-ри-ципет – это где?

Люся, в отличие от брата, сразу поняла, что сын спросил, и захохотала:

– Объясняй, где приоритет!

– Приоритет, Вова, это понять, что главнее. Например, взрослым поговорить или машинку починить.

– Конечно, машинку, – не задумываясь, заявил мальчик. – Поговорить взрослым можно по телефону!

– А зачем тогда мама попросила меня приехать?

– Чтобы поцеловать.

Туминский ковырялся в машинке, командовал Вовкой и отвечал на вопросы сестры:

– Гвоздик обойный принеси... вот такусенький... и пассатижи, Вова! Тётя Тоня – это отцова сестра двоюродная... нет, бабушке она по крови никто, она дедова племянница... но по существу самый близкий ей человек, я-то далеко. Может, выкинем, Вов, это же пластмасса... ладно, не дуйся, заклею... 82 года... нет, ты не знаешь, что такое фельдшер в отдалённом селе. На поминках было около сотни, а на кладбище – все полтора. Деньги? Я брал с собой, но бабушка на похороны отложила, и многие ещё приносили: от сельсовета, от районной больницы, от совета ветеранов, ещё кто-то... не помню. Фермер местный, у него молочный заво-

дик и колбасная линия, так он эти продукты бесплатно привёз. Он вообще предлагал в своей столовке поминки организовать, но мы решили, что прощаться нужно в доме, где она их всех лечила... в четыре смены, да... ничего, справлялись... тётя Тоня, тётя Шура... а? Это соседка. Нет, моложе... ну, может, 60... ещё тёткины соседи, мои друзья детства, семейная пара... нет, Толик даже шустрее баб управлялся: со стола убирал, посуду вытирал, в микроволновке котлеты разогревал. И ещё девочка-подросток, сирота, тоже по соседству с тётей Тоней живёт у дальних родственников. Эта вообще огонь, три раза обернётся, пока мы только один... нет, за это платить не принято, но девочке я телефон подарил. Увидел, что у неё кнопочный, а у меня в багажнике коробка с запчастями, и там розовенький такой с наворотами. Светки Лишняевой, она как-то им в благоверного запустила. Я его склеил, а она не взяла, запаadlo ей, видишь ли, с треснутым. А трещинка-то совсем незаметная. Зато камера там очень хорошая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.